

18+

CASSANDRA MOR

ТРОПА К ТЕБЕ

Cassandra Mor

Тропа к тебе

«Издательские решения»

Mor C.

Тропа к тебе / С. Мор — «Издательские решения»,

Эмили Картер теряет вдохновение после развода. Она сбегает из Нью-Йорка в домик в лесах Монтаны, чтобы обрести тишину. Вместо этого находит Джексона Рида — молчаливого лесника, похоронившего сердце. Они встречаются под дождём, когда Эмили теряется в лесу. Джексон спасает её, между ними вспыхивает искра. Сможет ли она принять суровую глушь? Сможет ли он поверить в любовь заново? Это история о поиске дома, второй попытке и о том, что иногда, чтобы найти свой путь, нужно сначала заблудиться.

© Мор С.

© Издательские решения

Тропа к тебе

Cassandra Mor

© Cassandra Mor, 2026

ISBN 978-5-0070-5831-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Эмили

Я всегда думала, что самые страшные истории начинаются с громкого события.

С телефонного звонка среди ночи. С плохих новостей. С катастрофы, которую невозможно забыть.

Оказалось, всё проще. Иногда самые страшные истории начинаются с пустой страницы.

Я смотрела на экран ноутбука уже больше часа. Белый лист. Мигающий курсор.

И ни одного слова.

Снаружи шумел Нью-Йорк. Где-то за окном сигналили машины, смеялись прохожие. Город жил своей привычной жизнью, а я сидела за кухонным столом и пыталась написать хотя бы одно предложение.

Одно. Чёртово. Предложение. Но слова не приходили. Они словно покинули меня.

Я закрыла глаза и потёрла переносицу. Кофе давно остыл. На часах было почти одиннадцать вечера.

Издатель ждал рукопись через три месяца. Мои читатели ждали новую книгу. А я не могла написать даже первую главу.

Когда-то всё было иначе. Когда-то истории жили внутри меня постоянно.

Я придумывала героев в метро. Записывала диалоги на салфетках в кафе.

Просыпалась среди ночи, чтобы сохранить внезапно пришедшую идею. Мне казалось, что это никогда не закончится.

Что вдохновение — часть меня. Как цвет глаз. Как голос. Как биение сердца.

Я ошибалась. Потому что вдохновение может уйти. Так же неожиданно, как люди.

Мой взгляд невольно упал на фотографию, стоявшую на книжной полке.

Я сразу отвернулась. Но было поздно. Память уже сделала своё дело.

Мэтт.

Два назад я бы сказала, что он любовь всей моей жизни. Полгода назад он стал моим бывшим мужем. Удивительно, как быстро человек может превратиться из целого мира в воспоминание.

Я до сих пор не понимала, в какой момент всё сломалось. Мы не кричали друг на друга. Не били посуду. Не устраивали драматических сцен. Мы просто постепенно перестали быть счастливыми.

Как будто однажды утром проснулись и поняли, что стали чужими людьми.

Иногда мне казалось, что именно после развода я перестала писать. Словно вместе с браком потеряла что-то ещё. Что-то важное.

Я поднялась из-за стола и подошла к окну. На Манхэттен опускался вечер. В сотнях окон горел свет.

Тысячи людей возвращались домой. И впервые за долгое время я почувствовала себя невероятно уставшей. Не физически. Душой. Мне был тридцать один год. У меня была квартира. Карьера. Книги, которые продавались миллионными тиражами.

И всё же внутри поселилась пустота. Странная и тихая. Словно кто-то выключил музыку, под которую я жила последние годы.

Телефон завибрировал на подоконнике. Сообщение от моей редакторши.

«Эмили, как продвигается работа?»

Я горько усмехнулась. Никак. Совершенно никак. Пальцы зависли над экраном.

Потом я написала:

«Медленно. Но я справлюсь.»

Ложь. Наверное, самая распространённая ложь в мире. Я справлюсь. Иногда люди произносят эти слова только потому, что не знают, что сказать ещё.

Я выключила телефон. А затем произошло то, что изменило всё. Совершенно случайно. Я открыла электронную почту.

Среди рекламных писем и рабочих сообщений было одно непрочитанное.

Тема письма:

«Домик у озера. Монтана.»

Я нахмурилась. Письмо пришло неделю назад. Я открыла его. На экране появилась фотография. Небольшой деревянный домик.

Высокие сосны. Озеро. Горы на горизонте. Идеальная тишина. Я смотрела на снимок несколько секунд. Потом ещё несколько. Что-то внутри дрогнуло. Словно часть меня вдруг вспомнила, каково это — дышать полной грудью.

В письме говорилось, что домик сдаётся на длительный срок. Никаких соседей поблизости. Плохая мобильная связь. Лес вокруг. И абсолютное спокойствие.

Я усмехнулась. Ещё месяц назад подобная идея показалась бы мне безумием.

Мне, человеку, который всю жизнь прожил среди шума. Среди людей. Среди бесконечного движения.

Но сейчас... Сейчас мысль о тишине казалась спасением. Я снова посмотрела на фотографию. На озеро. На лес.

На тонкую тропу, исчезающую среди деревьев.

Странно. Очень странно. Но в тот момент я почувствовала то, чего не чувствовала уже много месяцев. Надежду. Маленькую.

Почти незаметную. Но настоящую.

Я ещё не знала, что через две недели окажусь в Монтане. Не знала, что заблужусь среди сосен. Не знала, что встречу мужчину, который изменит мою жизнь. И уж точно не знала, что тайна десятилетней давности заставит меня усомниться во всём, что я считала правдой.

В тот вечер я видела лишь фотографию старого домика у озера.

И не знала, что именно там меня ждёт история, которую я никогда не смогу забыть.

ГЛАВА 1

Эмили

Нью-Йорк, за две недели до Монтаны

Решение пришло не как озарение. Оно приползло медленно, как туман над озером, которого я ещё не видела. Три дня я ходила по квартире, перечитывала письмо про домик в Монтане, открывала и закрывала ноутбук. Белый лист. Мигающий курсор. И ни одного слова, которое не хотелось бы сразу стереть. На четвёртый день я позвонила агенту.

— Я уезжаю, — сказала без предисловий.

Дженна на другом конце провода жевала что-то хрустящее. Судя по звуку — яблоко. Дженна всегда жуёт яблоки, когда нервничает или когда ей не нравится то, что она слышит.

— Куда?

— В Монтану.

Хруст прекратился. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы я успела мысленно подготовиться к спору.

— Монтана, — медленно повторила Дженна так, словно речь шла о высадке на Марс. — В смысле — Монтана? Где медведи? Где нет нормальных ресторанов? Где люди носят ковбойские шляпы и разговаривают с деревьями? — Ковбойские шляпы — это Техас, — поправила я, хотя сама не была уверена.

— И я не буду разговаривать с деревьями. Я буду писать.

— Ты не выезжала за пределы Манхэттена больше двух лет. Ты боишься пауков. Ты не умеешь разводить огонь.

— Научусь.

— Эмили...

— Дженна. — Я взяла твёрдый тон, хотя внутри всё дрожало.

— Я не могу здесь больше оставаться. Каждое утро я сажусь за стол и ненавижу себя за то, что не могу написать ни строчки. Я смотрю на этот чёртов курсор, и мне кажется, что из меня вынули всё, что было важно. Если я не попробую что-то изменить...

Я не договорила. Дженна вздохнула — тот самый вздох, который означал капитуляцию.

— Хорошо. Но если тебя съедят медведи, я не поеду на твои похороны. У меня нет подходящего чёрного платья.

— У тебя есть чёрное платье.

— Оно слишком откровенное для похорон. Договорились?

— Договорились.

Я положила трубку и посмотрела на фотографию домика. Деревянные стены. Озеро. Горы. И тишина, которую я уже почти могла слышать сквозь экран.

«Что я делаю?» — спросила я себя.

Ответа не было. Но что-то внутри — маленькое, настойчивое — подсказывало, что это правильно.

Сборы заняли три дня. На самом деле, если бы не моё желание всё откладывать, можно было уложиться в полдня. Я перекладывала вещи из одной сумки в другую, брала то одни ботинки, то другие, трижды меняла свитера. Мне казалось, что я готовлюсь не к поездке, а к чему-то большому. Как будто собирала не чемодан, а свою новую жизнь.

Я оставила Мэтту ключи, хотя он их не просил. Просто положила в конверт, написала короткую записку: «Если что-то понадобится — я в Монтане» — и отправила с курьером. Не потому, что ждала ответа. Потому что старые привычки умирают дольше, чем любовь.

В самолёте я сидела у окна и смотрела, как Нью-Йорк становится маленьким, потом очень маленьким, потом исчезает за облаками. Мне стало страшно. Не от высоты. От осознания: я действительно одна.

Без привычного шума, без кофейни на углу, где бармен знает мой заказ, без друзей, которые могут приехать в любую минуту.

«Ты хотела перемен», — прошептала я в иллюминатор. Иллюминатор блеснул в ответ солнечным зайчиком.

Домик оказался меньше, чем на фотографиях. Я стояла на веранде, сжимая в руке ключ, и смотрела на бревенчатые стены, тёмную деревянную крышу, два плетёных кресла, глядящих на озеро. Узкий пирс уходил в воду, на конце пирса покачивалась маленькая лодка. Ни души вокруг. Только ветер, вода и шелест сосен. Тишина оглушила. Не городская тишина, наполненная дальними звуками — шумом трассы, криками детей, музыкой из соседней квартиры. Здесь тишина была абсолютной, плотной, почти осязаемой. Мне показалось, что я слышу, как падают иголки с сосен.

— Боже, — выдохнула я.

И звук собственного голоса прозвучал неестественно громко. Внутри пахло деревом и сухими травами. На столе лежала записка:

«Дрова в сарае. Вода работает. Если что-то сломается — Джексон Рид живёт в трёх милях к северу. Он знает о вашем приезде. Добро пожаловать. — Марта»

Я прочитала имя вслух:

— Джексон Рид.

Оно ничего мне не сказала. Просто имя. Как сотни других. Я обошла домик. Одна комната с большой кроватью и камином, маленькая кухня, душ в углу, отгороженный деревянной перегородкой. Всё просто, грубо, без лишних деталей. На полке — несколько старых книг, руководство по выживанию в дикой природе, сборник стихов забытого поэта. На стене висела карта местности с отмеченными тропами.

Я подошла к окну. Озеро было прямо передо мной. Небо темнело, и вода меняла цвет — с серебряного на тёмно-синий, почти чёрный.

Я достала ноутбук, поставила на стол, открыла. Белый лист. Мигающий курсор. Ничего не изменилось.

Первые три дня я почти не выходила из домика. Я просыпалась, когда солнце уже стояло высоко — около восьми. Заваривала кофе, садилась к ноутбуку и... смотрела. Часами. Иногда набирала несколько слов, тут же их стирала. Один раз написала целую страницу — и удалила всё, потому что текст казался мёртвым. Слова были правильными, грамотными, но в них не было пульса.

На третий день я заплакала. Просто сидела за столом, смотрела на экран, и слёзы потекли сами. Не от жалости. От обиды. Я чувствовала, что талант никуда не делся, он внутри, но заперт в клетке, а ключ потерян.

— Что со мной не так? — спросила я у пустой комнаты. Комната молчала.

Я вытерла лицо, надела куртку и вышла на веранду. Свежий воздух ударил в лицо, отрезвляя. Я посмотрела на озеро, на лес, на тропу, уходящую от домика вглубь.

— Завтра пойду гулять, — сказала я. — Нужно просто... отвлечься.

Я ещё не знала, что завтрашняя прогулка изменит всё.

Джексон

Пять километров к северу, то же утро

Я проснулся затемно. Старая привычка, ввевшаяся в кровь за двадцать лет жизни в горах. Будильник не нужен. Тело само знает, когда начинается рассвет — ещё до того, как первые лучи тронут вершины сосен. Я лежал на спине, глядя в потолок. В доме пахло смолой, старой кожей и кофе — вчерашним, потому что я забыл выключить турку перед сном. За окном было тихо. Слишком тихо даже для Монтаны.

— Буря будет, — сказал я в пустоту. Пустота не ответила. Она никогда не отвечает.

Я сел на кровати, провёл рукой по лицу, ощутив щетину. Нужно побриться. Я говорил себе это уже три дня подряд и каждый день забывал.

Или не забывал, а просто не видел смысла. Кому какое дело до моей щетины?

Я встал, натянул джинсы, клетчатую рубашку — ту, что висела на спинке стула, — и сунул ноги в ботинки. На часах было 5:47. Старые часы отца, которые я не снимаю даже в душе. Стекло потёртое, ремешок потрескался, но механизм работает как в первый день. Отец говорил: «Швейцарцы умеют делать вещи, которые переживут своих владельцев». Отец оказался прав. Часы пережили его на двенадцать лет.

На кухне я заварил свежий кофе — крепкий, чёрный, без сахара. Выпил стоя, глядя в окно. Лес просыпался. Где-то вдалеке стучал дятел, над озером поднимался туман, белый и плотный, как молоко.

Я думал о той женщине. Та самая писательница из Нью-Йорка, которая арендовала домик Марты. Я узнал об этом неделю назад от самой Марты — она заезжала предупредить, чтобы я был наготове, если что-то сломается.

— Она одна? — спросил я тогда.

— Одна. Говорит, хочет тишины и покоя. — Марта хитро прищурилась.

— Ты бы её видел, Джексон. Красивая. Волосы длинные. Глаза умные.

— Мне-то что? — пожал я плечами. — Да ничего, — усмехнулась Марта. — Просто говорю.

Я не думал о ней. Ну, почти не думал. Иногда, когда ветер дул с юга, от озера, я ловил себя на мысли: приехала уже или нет? И тут же одёргивал себя. Какая разница? В Монтану приезжают разные люди. Кто-то ищет тишины. Кто-то бежит от прошлого. Кто-то просто ошибся поворотом на трассе. Большинство не задерживаются дольше недели. Эта, скорее всего, тоже не задержится.

Я допил кофе, поставил кружку в раковину и вышел на крыльцо. Воздух ударил в лицо — холодный, влажный, пахнувший хвоей и приближающимся дождём. Я вдохнул глубоко, как курильщик, который выкурил последнюю сигарету. Горы стояли вокруг, огромные и равнодушные.

Они видели столько людей, столько жизней, столько историй — моя собственная вряд ли была чем-то особенным.

— Сегодня нужно проверить северные тропы, — сказал я себе. — И забор у ручья.

План был простой. Как и вся моя жизнь. Я шёл лесом час, потом второй. Я знаю здесь каждое дерево, каждый камень, каждый поворот тропы.

Могу пройти эти места с закрытыми глазами — и не раз так делал, когда в молодости тренировал ориентирование. Сейчас я просто шёл, слушая лес. Лес — живой организм. Он дышит, говорит, предупреждает. Сейчас он говорит о дожде. Птицы умолкли, белки попрятались, даже ветер затих в ожидании. Воздух стал тяжёлым и влажным.

Я остановился у ручья, поправил несколько досок в заборе — работа на пять минут, но если не сделать сейчас, через месяц забор развалится совсем. Я работал медленно, без спешки, потому что спешить было некуда. В моей жизни вообще нет мест, куда нужно спешить.

Мысли вернулись к писательнице. Я не хотел о ней думать, но мозг работал сам. Ей, наверное, лет тридцать. Младше меня. Городская — это видно за километр. Привыкла к шуму, к кофе с собой, к тому, что мир вращается вокруг неё. И она выбрала Монтану. Почему? Люди не выбирают Монтану случайно. Сюда приезжают либо те, кто ищет приключений, либо те, кто бежит. От чего бежит она?

Я покачал головой, отгоняя мысли. Не моё дело. Я просто проверю, что домик в порядке, если что-то сломается — починю. И всё. Никакой личной истории. Никакого интереса.

Я поднялся с корточек, отряхнул руки, и в этот момент небо надо мной окончательно потемнело. Первые тяжёлые капли упали мне на плечо.

— Вовремя, — буркнул я. — Только дождя не хватало.

Я повернул к своему домику, ускоряя шаг. Дождь усиливался, и через десять минут я уже шёл под настоящим ливнем. Ковбойская шляпа спасала лицо, но рубашка промокла насквозь.

Я уже почти вышел к дому, когда что-то заставило меня остановиться. Звук. Не дождь. Не ветер. Что-то другое. Я замер, прислушиваясь. Шаги. Неровные, торопливые, срывающиеся. И прерывистое дыхание. Кто-то был в лесу. Я нахмурился. По такой погоде нормальный человек сидит дома. Только турист мог забрести так далеко. Или... Я вспомнил о писательнице.

— Чёрт, — выругался я тихо.

Я свернул с тропы и пошёл на звук. Дождь хлестал по лицу, но я почти не замечал. Мои шаги быстрые, но осторожные — не хочу напугать того, кто там блуждает.

И вдруг я увидел её.

Эмили

Лес, четыре часа спустя

Я шла по тропе уже больше часа, когда поняла, что не помню дорогу назад. Это случилось не вдруг. Сначала я просто перестала узнавать деревья.

Потом тропа раздвоилась, и я выбрала левую — хотя где-то глубоко внутри знала, что левая неправильная. Но моё упрямство.

— Ничего страшного, — сказала я вслух. — Тропа петляет. Скоро выйду к озеру.

Я не вышла. Через полчаса я остановилась посреди сосен и поняла, что лес сомкнулся вокруг меня со всех сторон. Одинаковые стволы, одинаковый мох, одинаковый серый свет сквозь ветки. Я достала телефон. Нет сигнала. Конечно, нет сигнала. Я в чёртовой Монтане, в чёртовом лесу, без карты, без компаса, без единой мысли о том, как отсюда выбраться.

— Ты умная женщина, Эмили, — прошептала я себе под нос. — Ты пишешь книги про умных женщин. Придумай что-нибудь.

Умная женщина придумала бы взять с собой карту. Умная женщина не пошла бы в незнакомый лес одна. Умная женщина осталась бы дома и писала свой чёртов роман. Но я была не умной женщиной.

Я была женщиной, которая сбежала от своей жизни и понятия не имела, как её собирать заново.

Небо темнело. Не потому, что наступал вечер — вечер должен был прийти через несколько часов. Темнело потому, что тучи сгустились, тяжёлые и низкие, и воздух вдруг стал холодным, как перед грозой.

И тут пошёл дождь. Сначала редкие капли. Я подняла воротник куртки. Потом чаще. Потом — стена воды. Я побежала, но бежать по мокрой тропе в ботинках без подходящей подошвы было глупо. Я споткнулась, упала, больно ударив колено, поднялась, чувствуя, как грязь затекает в ботинки.

— Нет-нет-нет, — забормотала я. — Только не это. Только не здесь.

Промокшая до нитки, я стояла посреди леса, не понимая, где нахожусь, и чувствовала, как страх поднимается откуда-то из живота, сжимая горло. Я хотела закричать, но поняла, что это глупо — кто меня услышит?

И вдруг, сквозь шум дождя, я услышала шаги. Кто-то шёл по лесу. Не бежал. Именно шёл — спокойно, размеренно, как будто дождь был для него обычным делом. Я замерла, всматриваясь в серую мглу.

Между деревьями появился силуэт.

Высокий. Широкий в плечах. Он нёс в руке фонарь, и жёлтый свет вырезал из темноты его фигуру: ковбойская шляпа, мокрая клетчатая рубашка, прилипшая к плечам. Лицо было в тени, но я уже не смотрела на лицо — я смотрела на то, как он идёт. Уверенно. Спокойно. Как человек, который знает этот лес лучше, чем свою ладонь.

Он остановился в трёх метрах от меня, поднял фонарь, осветил моё лицо и... нахмурился.

— Вы хоть представляете, насколько далеко ушли от тропы?

Голос низкий. Сухой. Без паники, но и без тепла. Я нервно сглотнула. Я вся дрожала от холода и страха, но внутри вдруг включилось что-то упрямое — то самое, за что Мэтт называл меня «невыносимой».

— Представляла, — сказала я. Голос дрожал, но я старалась говорить твёрдо. — Минут сорок назад.

Он чуть склонил голову. Фонарь осветил его лицо — резкие скулы, щетина, серо-голубые глаза. И шрам на подбородке.

— И что изменилось?

— Я поняла, что представляла неправильно.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Я не отвела взгляд, хотя очень хотелось — от холода, от страха, от странного ощущения, что этот человек видит больше, чем я показываю. Потом уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Что-то другое — может быть, одобрение. Может быть, удивление.

Джексон

Она стояла передо мной — промокшая, дрожащая, с грязью на джинсах и этим дурацким вызовом в глазах. Я ожидал истерики. Или слёз. Или хотя бы обычного в таких случаях «пожалуйста, помогите мне».

Вместо этого она спорила. В лесу. Под дождём. В трёх милях от ближайшего жилья.

— Идёмте, — сказал я, разворачиваясь. — Тут до моего дома ближе, чем до вашего.

Я сделал несколько шагов, потом остановился, обернулся. Она не двинулась с места. Стояла и смотрела на меня так, будто я был приманкой в мышеловке.

— Вы идёте? — спросил я.

Она посмотрела на меня, на дождь, на темнеющий лес. И шагнула вперёд. Я двинулся к дому, но она заговорила снова:

— Вы Джексон Рид?

— А вы та самая писательница из Нью-Йорка. — Откуда вы знаете?

Я чуть замедлил шаг, чтобы она могла идти рядом. Слева от меня, почти касаясь плечом моего локтя, шла женщина, о которой я говорил себе, что она меня не интересует.

— В Монтане маленькие города, — сказал я. — И длинные зимы. Слухи распространяются быстрее, чем пожар в сухом лесу.

Она ничего не ответила. Но я заметил краешек её губ. Она улыбалась. Под дождём. Промокшая до костей. Потерявшаяся в чужом лесу. Она улыбалась. Я отвернулся и ускорил шаг, делая вид, что ничего не заметил. Но заметил. И это засело где-то глубоко, под рёбрами, там, где я привык ничего не чувствовать.

Мы вышли к моему дому через пятнадцать минут. Дождь всё ещё лил, но теперь мы шли по знакомой тропе, и я уже видел свет в окне — я всегда оставлял лампу на веранде, когда уходил.

— Заходите, — сказал я, открывая дверь. — Переоденьтесь. Я разведу огонь.

Она остановилась на пороге, сомневаясь.

— Я не хочу...

— Замёрзнуть насмерть? — закончил я за неё. — Это плохая идея. Поверьте.

Она посмотрела на меня, потом на тёплый свет внутри, потом снова на меня.

— Ладно, — сказала она. — Но только пока не перестанет лить.

Я ничего не ответил. Просто шагнул в сторону, пропуская её внутрь. Она вошла в мой дом. В мою жизнь. И я понял — уже тогда, в ту секунду, — что это ошибка. Что надо было отвести её к её домику, развернуться и уйти. Что ничего хорошего из этого не выйдет. Но я ничего не сделал.

Я стоял в дверях, смотрел, как она отряхивает мокрые волосы, и чувствовал то, чего не чувствовал очень давно. Интерес. Чистый, животный, опасный интерес.

ГЛАВА 2

Джексон

Дом встретил меня привычным запахом — деревом, старой кожей и хвоей, которую я принёс на ботинках ещё неделю назад и так и не вытер. Но сейчас к этим запахам добавился новый. Её. Влажная шерсть. Мокрые волосы. Что-то сладкое — возможно, шампунь. Или просто она сама.

— Проходите, — сказал я, закрывая дверь. Сразу стало тише. Дождь за окном превратился в глухой барабанный бой по крыше, но внутри его почти не было слышно. — Садитесь к огню. Я сейчас принесу полотенца.

Она стояла у порога, не решаясь сделать шаг. Вода стекала с её пальто на деревянный пол, образуя маленькую лужу. Её трясло. Не сильно — она старалась это скрыть, но я видел, как дрожат её руки.

— Я накапаю вам на пол, — сказала она. Голос сел. От холода или от страха — не понял.

— Пол не жалко.

Я ушёл в ванную, достал чистое полотенце — единственное, которое было, надо признать, — и нашёл старый флисовый свитер. Шерстяные носки. Всё это я положил на стул рядом с камином.

— Вот, — сказал я, возвращаясь. — Переоденьтесь. Свитер большой, но сухой. Носки тоже.

Она посмотрела на вещи, потом на меня.

— А вы?

— Я привыкший.

Это было не совсем правдой. Моя рубашка промокла насквозь, холод пробирал до костей. Но я мог потерпеть. А она — городская, изнеженная — могла и вовсе свалиться с воспалением лёгких. Марта мне потом не простит.

— Я... — начала она и замолчала. — Что?

— Ничего. Спасибо.

Она взяла свитер, но не двинулась с места. Я понял не сразу. А когда понял, усмехнулся про себя.

— Я буду на кухне, — сказал я. — Поставлю чайник. Можете закрыться.

Я отвернулся и пошёл к кухонной стойке. Спинай я чувствовал, как она снимает пальто, как мокрая ткань шуршит. Я заставил себя не оборачиваться. Чайник поставил на плиту. Достал две кружки — глиняные, грубые, которые сам слепил много лет назад в какой-то безумной попытке занять руки. Одну расписал отец перед смертью. На ней были горы и надпись: «Дом там, где тебя ждут». Эту кружку я никому не давал.

— Можете поворачиваться, — сказала она тихо.

Я обернулся. Она стояла у камина в моём свитере, который доходил ей почти до колен. Волосы влажные, тяжёлые, она откинула их на одну сторону, и я увидел линию шеи — тонкую, светлую, с родинкой возле ключицы.

Родинкой, которую я уже заметил в лесу, когда свет фонаря упал на неё. Она была босиком. Её ботинки стояли у двери, мокрые и грязные. Носки она ещё не надела, и её ступни были бледными, почти белыми на тёмном дереве пола.

— Спасибо, — повторила она. — Вы... вы очень добры.

— Я не добрый, — сказал я, возвращаясь к чайнику. — Просто не хочу, чтобы вы замёрзли насмерть в моём лесу. Потом бумаг не оберёшься.

Она не засмеялась. Но уголки её губ дрогнули. Я заметил это краем глаза.

— Вы всегда такой любезный с заблудившимися туристами? — спросила она.

— Вы не туристка, — сказал я, заливая кипятком кружки. — Туристы обычно не арендуют домики на три месяца. И не пишут книги.

Наступила тишина. Только дождь и потрескивание дров в камине.

— Вы знаете, кто я, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Марта сказала.

— Что ещё она сказала?

Я подошёл к ней, протянул кружку с чаем. Наши пальцы не соприкоснулись — я специально держал кружку так, чтобы не касаться.

— Сказала, что вы писательница из Нью-Йорка. Что вам нужен покой. И что вы красивая. Она взяла кружку. Пальцы дрожали.

— И вы согласны? — спросила она.

Я смотрел на неё сверху вниз — она была ниже меня почти на голову, даже в моём огромном свитере казалась маленькой. Её глаза, карие, тёплые, смотрели на меня в ожидании ответа.

— С последним — да, — сказал я. И отвернулся, потому что не хотел видеть, как она на это отреагирует.

Эмили

Он сказал, что я красивая. Сказал так, будто это был факт, а не комплимент. Будто констатировал погоду или цвет неба. И отвернулся. Просто взял свою кружку и отошёл к окну, встал спиной, глядя на дождь. А я стояла у камина, в его свитере, который пах деревом и дымом, и пыталась вспомнить, когда в последний раз мужчина говорил мне такое. Мэтт говорил. В начале. Потом перестал.

— Сколько вы здесь живёте? — спросила я, чтобы нарушить тишину. Она становилась слишком плотной.

— Всю жизнь.

— И не хотелось уехать?

Он не обернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что здесь тихо. Здесь никто не врёт. Лес не умеет врать.

Я не знала, что ответить. В Нью-Йорке все врут. Я сама врала — себе, Дженне, читателям, когда писала счастливые концы, в которые уже не верила.

— А вы? — спросил он вдруг. — Почему вы здесь?

Вопрос прозвучал просто, без давления. Но я почувствовала, что он действительно хочет знать.

— Я... — начала я и запнулась. — Я не могу писать.

Он повернулся.

— Что значит «не можете»?

— Я писательница, которая не может написать ни слова. — Я горько усмехнулась. — Звучит как анекдот, да?

Он не засмеялся. Он смотрел на меня своими серо-голубыми глазами — спокойно, без жалости, но и без осуждения.

— И вы думаете, что в Монтане это пройдёт?

— Не знаю. — Я сделала глоток чая. Он был крепким, почти горьким, без сахара. — Но в Нью-Йорке точно не проходило.

Он кивнул, будто понимал. Хотя откуда ему, леснику из Монтаны, понимать творческие кризисы?

— А каким был ваш последний роман? — спросил он.

— О любви, — сказала я. — Как и все мои романы.

— Счастливый конец?

— Всегда.

— И что в этом плохого?

Я посмотрела на него внимательнее. Он не издевался. Он правда не понимал.

— Потому что в жизни не всегда бывают счастливые концы, — сказала я.

— Может, именно поэтому люди их читают, — ответил он. — Чтобы поверить, что бывают.

Я замолчала. Он был прав. Чёрт возьми, он был прав. И это разозлило меня почему-то.

Потому что он, человек, который живёт в лесу и чинит заборы, только что объяснил мне, писательнице с двадцатью опубликованными романами, зачем люди читают любовные истории.

— Вы всегда такой мудрый? — спросила я с лёгкой насмешкой.

— Нет, — сказал он. — Просто иногда легче смотреть на чужие проблемы, чем на свои.

Он сделал глоток чая, и я заметила, как движется его кадык. Заметила, как влажная рубашка прилипла к его плечам, обрисовывая мышцы. Как вода стекает по его шее за воротник. Я отвела взгляд.

— Вам нужно переодеться, — сказала я. — Вы тоже промокли.

— Я сказал — я привык.

— Это не значит, что вы должны мёрзнуть.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, как будто никто не беспокоился о нём очень давно. Может, так и было.

— Я потом, — сказал он. — Когда вы уйдёте. — Я не уйду, пока не перестанет лить, — напомнила я ему его же слова. — А лить будет, судя по всему, ещё долго.

Он хмыкнул. Не улыбнулся. Но хмыкнул — и это было похоже.

— Упрямая, — сказал он.

— Слышала уже.

— От кого?

— От бывшего мужа.

Слова вылетели раньше, чем я успела их остановить. Я не хотела говорить о Мэтте. Я не хотела говорить о разводе. Я приехала в Монтану, чтобы забыть, а не рассказывать. Но он не спросил. Не стал копать. Просто кивнул, поставил кружку на стол и сказал:

— Ладно. Я переоденусь. Только не смотрите на шрамы.

Он сказал это так легко, что я не поняла сначала — шутка или нет. А потом он ушёл в другую комнату, и я осталась у камина одна. Стояла и смотрела на огонь, и чувствовала, как тепло возвращается в мои замёрзшие пальцы. Но внутри было не тепло. Внутри было что-то другое. Любопытство. Опасное, неправильное любопытство.

Джексон

Я соврал про шрамы. У меня их почти не было — только старый шрам на подбородке и пара отметин на руках от работы. Я просто хотел уйти. Хотел на минуту оказаться в другой комнате, подальше от неё, потому что в моей голове творилось что-то странное. Когда я стоял у окна и смотрел на дождь, я не видел дождя. Я видел её. В моём свитере. С мокрыми волосами. С этой родинкой, которая, казалось, притягивала мой взгляд, как магнит. Я не должен был говорить, что она красивая. Но это была правда.

Я переоделся в сухую рубашку — такую же клетчатую, такую же старую, потому что другие у меня почти не водились. Провёл рукой по волосам, убрал их со лба. И замер перед маленьким зеркалом, которое висело на стене.

«Что ты делаешь, Джексон?» — спросил я себя.

«Ничего», — ответил я.

— «Помогаю человеку. Она замёрзла. Это просто... помощь». Я почти поверил.

Когда я вернулся, она стояла на коленях перед камином и подкладывала дрова. Неумело — я видел, что она делает это в первый раз в жизни. Но старательно.

— Не так, — сказал я, подходя.

— Что не так?

— Поленья слишком близко друг к другу. Им нужно пространство, чтобы гореть.

Я опустился рядом с ней на корточки. И только тогда понял, как близко. Наше плечи почти касались. Я чувствовал тепло от её тела — или мне казалось?

— Вот, — сказал я, поправляя дрова. — Смотрите. Маленький зазор между ними. И щепки снизу, чтобы разгорелось быстрее.

Она не смотрела на дрова. Она смотрела на мои руки. Я убрал руки.

— Вы научитесь, — сказал я, поднимаясь. — Вы думаете? — Она тоже встала, отряхивая колени.

— Да. Вы производите впечатление человека, который умеет учиться.

Она посмотрела на меня снова. В её глазах был тот же вызов, что и в лесу, но теперь к нему добавилось что-то ещё. Что-то, от чего мои внутренности сжались.

— Джексон, — сказала она.

— Что?

— Спасибо. За то, что нашли меня. — Я не искал, — сказал я. — Я просто шёл домой.

— Но вы могли пройти мимо.

— Нет. — Я покачал головой. — Не мог.

Вопрос «почему?» повис в воздухе, но она его не задала. И слава богу, потому что я не знал, что ответить.

Эмили

Дождь не прекращался три часа. Мы сидели у камина — он в кресле, я на полу, поджав ноги, потому что так было теплее. Разговаривали. Сначала о погоде, о лесе, о том, какие звери водятся в этих местах. Потом он спросил, о чём моя новая книга, и я сказала, что пока не знаю. Потом я спросила, почему он живёт один, и он сказал:

— Так сложилось.

— Но был кто-то? — не удержалась я.

Он посмотрел на огонь. Долго. Так долго, что я уже пожалела о вопросе.

— Была, — сказал он наконец. — Давно. — Что случилось?

— Она уехала. Не захотела жить здесь.

Я хотела спросить почему, но потом посмотрела вокруг. Маленький дом. Лес. Тишина. Отсутствие нормального интернета и доставки еды. Поняла почему.

— Вам не одиноко? — спросила я. — Иногда, — сказал он. — Но это лучше, чем жить с кем-то, кому с тобой плохо.

Я замолчала. Потому что это было слишком похоже на правду.

В какой-то момент я почувствовала, что мои глаза закрываются. Тепло камина, сытый желудок, усталость после всего — всё это тянуло меня в сон.

— Ложитесь, — сказал он вдруг.

— Что?

— Вы засыпаете. Ложитесь. Я на полу посплю. — Нет, — сказала я.

— Это ваш дом. Я не могу...

— Эмили. — Он произнёс моё имя впервые. Оно прозвучало... по-другому. Не так, как произносили его другие. — Ложитесь. Мы оба устали. Завтра разберёмся.

Я хотела спорить. Но сил не было.

— Ладно, — сказала я.

— Но только если вы тоже ляжете. На кровать.

— Эмили...

— Я серьёзно. — Я посмотрела на него. — Кровать большая. Мы можем лечь по разные стороны. И вы не будете спать на холодном полу.

Он смотрел на меня несколько секунд. Я не знала, о чём он думает. Но потом он кивнул.

— Хорошо. Но я не раздеваюсь.

— Я тоже, — соврала я.

Мы легли в темноте. Дождь всё ещё шёл, но теперь его звук был далёким, почти колыбельным.

Я лежала на правом боку, спиной к нему. Он — на левом, тоже спиной ко мне. Между нами было пространство — достаточное, чтобы не касаться. Но я чувствовала его тепло. И слышала его дыхание.

— Джексон? — прошептала я в темноту. — Что?

— Вы спите?

— Уже нет.

Я улыбнулась в подушку. Она пахла им. Деревом и дымом.

— Почему вы не поправили меня, когда я сказала, что не раздеваюсь? — спросила я.

Тишина. Такая долгая, что я подумала — он уснул.

— Потому что вы соврали, — сказал он наконец. — И я не хотел вас смущать.

Я замерла. Он знал. Он знал, что я сняла его свитер и спала в одной футболке. Что я лежала под его одеялом, пахнувшим им, и чувствовала себя так, будто делала что-то запретное.

— Спокойной ночи, Эмили, — сказал он. — Спокойной ночи, Джексон.

Я закрыла глаза. И впервые за долгое время — может быть, за несколько лет — я засыпала не с пустотой в груди, а с чем-то тёплым. Я не знала, что это было. Я боялась дать этому имя. Но оно уже росло.

ГЛАВА 3

Эмили

Я проснулась от света. Он был другим — не жёстким нью-йоркским солнцем, бьющим в окна с пяти утра, а мягким, серебристым, каким бывает только в горах после дождя. Он просачивался сквозь тонкие занавески, ложился на деревянные стены, на старое одеяло, на его спину. Джексон спал.

Я не сразу поняла, что смотрю на него. Просто открыла глаза, и он оказался там — в полуметре от меня, на том же краю кровати, куда мы заползли ночью, умирая от усталости. Он лежал на животе, лицом в другую сторону, и я видела только его спину — широкие плечи, тёмно-русые волосы, спутанные после сна, линию позвоночника, которую обрисовывала тонкая ткань футболки. Он не разделся, как и обещал. Но футболка задралась чуть-чуть вверх, и я видела полоску загорелой кожи на пояснице. Я смотрела слишком долго. Я знала, что смотрю слишком долго, но не могла оторваться. Что-то в его позе — расслабленной, беззащитной — делало его не просто мужчиной, который спас меня в лесу. Делало его... другим. «Ты писательница, Эмили, — сказала я себе. — Ты придумываешь героев. Не придумывай его».

Но мозг уже работал. Я лежала и смотрела на его руки — большие, с чёткими венами, с мозолями на ладонях. Руки, которые поправляли дрова в камине. Руки, которые протянули мне кружку с чаем и сделали это так, чтобы не коснуться. Руки, которые знали эту землю, этот лес, эту жизнь.

«Вот он, — прошептал внутренний голос. — Вот твой герой».

Я закрыла глаза, но видение не исчезло. Я видела его на страницах. Высокий, молчаливый, с тяжёлым прошлым, которое он не любит обсуждать. Мужчина, который не говорит лишних слов, но каждое его действие — поступок.

Который спас незнакомку в лесу, отдал ей свой свитер, свой чай, свою кровать. Который заставил её почувствовать себя в безопасности. «Молчаливый лесник. Идеальный главный герой для романа о второй попытке».

— Ты спишь? — его голос разорвал тишину.

Я дёрнулась. Открыла глаза. Он повернулся — лежал теперь на боку, лицом ко мне, и смотрел. Серо-голубые глаза были ясными, как будто он не спал вовсе.

— Нет, — сказала я. Голос прозвучал хрипло. — Проснулась.

— Давно?

— Не очень.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом сел, провёл рукой по лицу, и я заметила, как щетина стала длиннее — вчера она была короче.

— Дождь кончился, — сказал он, глядя в окно. — Я отведу вас к вашему домику. — Да, — кивнула я. — Конечно.

Я должна была обрадоваться. Вместо этого внутри шевельнулось что-то похожее на сожаление.

Мы шли по мокрому лесу молча. Он — впереди, я — за ним, по узкой тропе, где нельзя было идти рядом. Я смотрела на его спину, на то, как он уверенно ступает по размокшей земле, как избегает луж, как иногда оглядывается — проверить, не отстала ли я. И в моей голове уже складывались предложения.

«Он двигался так, будто лес был его домом — не потому, что он здесь жил, а потому, что лес признавал его своим».

— Вы говорите себе под нос, — сказал он, не оборачиваясь.

— Что?

— Я слышу. Вы что-то бормочете. Я покраснела. Хорошо, что он не видел моего лица.

— Я... просто думаю вслух.

— О чём?

— О книге.

Он остановился. Обернулся. Посмотрел на меня с тем самым выражением — спокойным, изучающим, от которого мурашки бежали по коже.

— Начали писать?

— Нет, — призналась я. — Но... появилась идея. — Какая?

Я хотела сказать «вы». Хотела сказать, что он, его руки, его дом, его молчание — всё это сложилось в моей голове в образ, который я искала годами. Образ мужчины, ради которого стоит написать роман. Но я не сказала.

— Пока не знаю, — соврала я. — Просто чувствую.

Он кивнул, повернулся и пошёл дальше. А я смотрела ему в спину и думала о том, что сделаю это. Я напишу его.

Джексон

Она всё утро смотрела на меня. Я чувствовал этот взгляд.

Даже когда шёл впереди, спиной чувствовал, как её карие глаза скользят по моим плечам, по шее, по рукам. И это сводило с ума. Не потому, что я не привык к женскому вниманию. Просто... её взгляд был другим. Не оценивающим — изучающим. Как будто она разбирала меня на части, чтобы собрать заново.

— Вы остановились, — сказала она сзади.

Я и правда остановился. Мы вышли к её домику. Он стоял на берегу озера, такой же маленький и уютный, каким был вчера. Вода в озере успокоилась, туман поднимался над поверхностью, и утки плавали у самого пирса.

— Всё в порядке, — сказал я. — Просто смотрю. — На что?

— На ваше озеро.

Она подошла ко мне. Встала рядом — теперь мы смотрели на озеро вместе. Я чувствовал запах её волос. Вчера от них пахло дождём. Сегодня — чем-то сладким.

— Вы можете зайти? — спросила она. — Зачем?

— Хочу вас кое о чём попросить.

Я посмотрел на неё. Она не отвела взгляд.

— О чём?

— Сначала зайдите.

Я должен был отказаться. Должен был сказать, что у меня дела, что нужно проверить северные тропы, что я не могу торчать здесь весь день. Но я посмотрел в её глаза — и не смог.

— Хорошо, — сказал я. — Пять минут.

Её домик был холодным. Камин не топили всю ночь, и внутри пахло сыростью. Она поёжилась, и я заметил, что на ней всё ещё мой свитер — она не сняла его.

— Простите, — сказала она. — Я сейчас разожгу огонь.

— Давайте я, — сказал я, направляясь к камину. — Нет, — остановила она. — Вы вчера показали. Я запомнила.

Я отошёл в сторону и смотрел, как она неумело, но старательно складывает дрова, оставляя между ними зазор, кладёт щепки снизу, подносит спичку. Огонь зажегся не сразу. Она чиркнула второй раз, третий. На четвёртый — затрещало, и пламя побежало по щепкам.

— Получилось, — сказала она с улыбкой. И эта улыбка ударила меня под дых.

Я не видел её улыбки вчера. Только тот намёк, тот дрожащий уголок губ. Сейчас она улыбалась по-настоящему — широко, открыто, и в глазах зажглось что-то такое, от чего захотелось улыбнуться в ответ. Я не улыбнулся. Но внутри что-то дрогнуло.

— Вы хотели меня о чём-то попросить, — напомнил я.

Она встала с колен, отряхнула руки. Улыбка исчезла, сменившись серьёзным, почти деловым выражением.

— Джексон, — сказала она.

— Я писательница. Я приехала сюда, чтобы написать книгу. И вчера... вчера я поняла, что не могу её написать, потому что не знаю, о ком писать.

Я ждал. Она смотрела на меня.

— А сегодня утром я проснулась и поняла. — Что именно?

— Что вы — мой герой.

Я не сразу понял, что она сказала.

— Простите?

— Вы, — повторила она. — Ваш образ. Ваш дом, ваша жизнь, ваше... молчание. Я хочу написать книгу о таком мужчине.

О леснике, который живёт в горах, который никому не нужен, но который — настоящий. Который спасает женщину в лесу.

Она говорила быстро, как будто боялась, что я перебыю. Или боялась, что не успеет сказать всё, что накопилось.

— Я не прошу у вас разрешения использовать ваш образ — это моё дело как писательницы, я могу придумать персонажа, не похожего на вас, но вдохновлённого вами. Я прошу... я прошу о помощи.

— О какой помощи? — спросил я. Голос звучал ровно, хотя внутри всё клокотало. Она хочет написать обо мне? Она смотрела на меня, разбирала на части, потому что собирала персонажа?

— Помогите мне понять, — сказала она. — Как живёт такой мужчина. Что он чувствует. О чём думает. Я хочу сделать книгу настоящей. А для этого мне нужно... — Она замолчала, подбирая слова.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Мне нужно, чтобы вы делали то, что делаете. А я буду наблюдать. Записывать. Учиться.

Я смотрел на неё и не верил своим ушам.

— Вы хотите, чтобы я стал вашим подопытным кроликом?

— Нет! — Она даже отшатнулась.

— Я хочу, чтобы вы стали моим... источником. Вдохновением. Я не буду описывать вас — я буду создавать героя на основе того, что увижу. И если вы согласитесь... может быть, мы могли бы иногда... встречаться. Разговаривать. Я буду задавать вопросы, а вы — отвечать. Или не отвечать. Всё, что захотите.

Я молчал. Она смотрела на меня с надеждой, и эта надежда была такой искренней, такой отчаянной, что я почувствовал себя так, будто от меня сейчас зависит вся её жизнь.

— Вы вчера сказали, что не можете писать, — наконец сказал я. — Что слова не приходят. — Да.

— И сейчас они придут, если я соглашусь? — Я не знаю, — честно ответила она. — Но я никогда не чувствовала такого... такого импульса. Я проснулась сегодня утром и впервые за много месяцев захотела сесть за ноутбук.

Я смотрел в её карие глаза и видел там то, что она, кажется, сама не замечала. Страх. Страх, что я откажу. Страх, что она снова останется одна со своей пустой страницей.

— Я подумаю, — сказал я.

— Что?

— Я подумаю, — повторил я. — Это не то, на что можно ответить сразу. Она кивнула, но я видел разочарование.

— Конечно, — сказала она. — Конечно. Я понимаю.

— Мне нужно идти, — сказал я, направляясь к двери. — Северные тропы.

— Джексон.

Я остановился, не оборачиваясь.

— Спасибо. За вчера. И за... за то, что слушаете.

Я ничего не ответил. Вышел на крыльцо, сделал несколько шагов, остановился.

Обернулся. Она стояла в дверях — в моём свитере, с влажными волосами, с этой своей улыбкой, которую я уже видел.

— Эмили, — сказал я.

— Да?

— Я подумаю. Честно.

И ушёл, не дожидаясь ответа.

Эмили

Я смотрела, как он уходит. Высокий, широкоплечий, в клетчатой рубашке. Он шёл так же, как в лесу — уверенно, неторопливо, как будто весь мир принадлежал ему. Я прислонилась к дверному косяку и выдохнула.

— Что я только что сделала? — прошептала я.

Я попросила незнакомого мужчину стать моим вдохновением. Я сказала ему, что хочу писать о нём. Я, по сути, призналась, что увидела в нём то, чего не видела ни в ком другом.

«Ты сошла с ума, Эмили», — сказала я себе. «Нет, — ответил внутренний голос. — Ты просто нашла героя. Теперь нужно его удержать».

Я вернулась в домик, села за стол, открыла ноутбук. Белый лист. Мигающий курсор. Но теперь я смотрела на них иначе. Потому что внутри меня уже звучали слова.

«Он появился из леса, как будто родился среди этих сосен. Высокий, молчаливый, с глазами цвета горного озера. Он не говорил лишнего. Он просто делал — спасал, вёл за собой, отдавал последнее. И она смотрела на него и понимала, что такого мужчину нельзя придумать. Его можно только встретить. Один раз в жизни. Если повезёт».

Я написала это. Не глядя, не думая, просто позволила пальцам бежать по клавишам. Когда я остановилась, на экране было полстраницы. Я заплакала. Впервые от счастья.

Он вернулся через два дня. Я сидела на веранде, смотрела на озеро и пила кофе.

Дни без него тянулись медленно — я работала над книгой, но всё время думала о нём. О том, сказал ли он «да». О том, захочет ли вообще когда-нибудь меня видеть. А потом он появился на тропе.

Те же клетчатая рубашка и джинсы. Та же ковбойская шляпа. Те же уверенные шаги.

— Джексон? — я встала.

Он подошёл к веранде, остановился у ступенек, посмотрел на меня снизу вверх.

— Я подумал, — сказал он.

— И?

Он помолчал. Достал из кармана куртки маленький блокнот и ручку. Протянул мне.

— Что это? — спросила я.

— Если я соглашусь, — сказал он. — То вы будете писать в этом блокноте. Не в телефоне, не в ноутбуке. В нём. Чтобы я видел.

Я взяла блокнот. Обычный, дешёвый, с обложкой в клетку.

— Вы согласны? — спросила я, боясь поверить. — Да, — сказал он. — Но с условиями. — С какими?

Он поднялся на веранду. Встал так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

— Первое: вы не описываете меня. Вы описываете героя. Если я пойму, что это я — я уйду.

— Хорошо, — кивнула я.

— Второе: никаких записей без моего ведома. Если я с вами разговариваю — вы не пишете.

Мы просто разговариваем. Писательство — отдельно.

— Договорились.

— Третье... — он помолчал. — Вы не спрашиваете о прошлом. Я сам скажу, если захочу.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул.

— Тогда — договорились.

Я хотела сказать что-то ещё, но он уже отвернулся, спустился с веранды и пошёл обратно к тропе.

— Джексон! — крикнула я.

Он обернулся.

— Спасибо!

Он ничего не ответил. Просто поднял руку в знак того, что услышал, и ушёл в лес.

Я смотрела ему вслед, сжимая в руке блокнот, и чувствовала, как внутри разгорается огонь. Не только творческий.

Но об этом я не хотела думать.

Джексон

Я врал себе, когда говорил, что согласился ради неё. Я согласился ради себя. Два дня я не мог выкинуть её из головы. Её голос. Её улыбка. Её глаза, когда она просила о помощи. Она смотрела на меня так, будто я был чем-то большим, чем просто лесник из Монтаны. Будто я был... героем. Никто никогда не смотрел на меня так.

Я знал, что это неправильно. Знал, что она использует меня для своей книги. Знал, что не должен соглашаться. Но когда я увидел её на веранде — одну, с кружкой кофе, с этим своим задумчивым взглядом, — всё моё «нет» рассыпалось в прах.

«Ты влипаешь, Джексон», — сказал я себе, когда уходил по тропе.

«Знаю», — ответил я.

«Она уедет, когда закончит книгу».

«Знаю».

«И ты останешься один. Как всегда».

Я остановился. Посмотрел на горы. Вздохнул.

— Знаю, — сказал я вслух.

Но всё равно пошёл дальше. Потому что два дня без неё были хуже, чем год одиночества до неё.

ГЛАВА 4

Эмили

Первая неделя нашего «сотрудничества» была похожа на танец, в котором никто не знал движений. Я просыпалась с рассветом — не потому, что хотела, а потому, что в Монтане это было невозможно игнорировать.

Солнце вставало из-за гор, и первые лучи били прямо в окно, заставляя меня открывать глаза. Я заваривала кофе, садилась за ноутбук и... ждала. Он не предупреждал о своём приходе. Не звонил — у меня всё равно не ловила связь. Не писал записок. Он просто появлялся.

Иногда утром. Иногда после обеда. Один раз — почти в сумерках, когда я уже думала, что сегодня он не придёт. Я не знала, по какому принципу он выбирал время. Спрашивать боялась — вдруг он решит, что я лезу не в своё дело. В конце концов, у него была работа. Лес. Тропы, которые нужно проверять. Заборы, которые нужно чинить. Но каждый раз, когда я слышала его шаги на крыльце, моё сердце делало кульбит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.